

Артем Юрьевич Перетьяко

Кандидат исторических наук, старший преподаватель, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. 344006, ул. Большая Садовая, 105/42. E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Мария Антоновна Селезнева

Бакалавр, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия. 125009, Моховая ул., д. 9, стр.1.
E-mail: Maria.Selezneva@student.msu.ru

Образ романтической возлюбленной между двумя культурами: попытки перевода любовной лирики Адама Мицкевича казачьим офицером Иваном Ульяновым

Изучение эволюции нарративов, созданных донскими казаками в первой половине XIX в., представляет собой сложную исследовательскую задачу, поскольку, если не брать делопроизводственную документацию, от этого времени уцелели лишь отдельные тексты, часто вырванные из контекста. В то же время исследования подобной тематики представляются достаточно перспективными. Тексты донских авторов часто наглядно демонстрируют механизм трансформации наработок высокой культуры XIX в. при их интерпретации любителями. Учитывая неизбежно индивидуальный характер подобной трансформации в каждом отдельном случае, в рамках микроисторического подхода в статье рассмотрен частный вариант подобной трансформации, переводы любовной лирики Адама Мицкевича казачьим офицером Иваном Ульяновым. И. С. Ульянов (1803–1874) был донским общественным деятелем XIX в., генерал-майором и писателем. В его обширном наследии, большая часть которого никогда не публиковалась, представлены доселе неизвестные прозаические переводы лирики польского поэта, выполненные в 1820-е годы. Девять из одиннадцати переведенных Ульяновым стихотворений представляют собой лирические произведения, посвященные недоступности любимой или разлуке с ней. При этом в рамках традиционных казачьих матримониальных практик основной формой взаимодействия полов был брак, заключенный по воле и в интересах родителей и предполагающий долгую разлуку мужа с женой в связи с регулярными выходами на службу. Случаи ухода от традиционного для казаков понимания гендерной роли

женщины в конце XVIII — начале XIX в. часто встречаются и в текстах (включая автобиографические) других донских казаков, испытавших влияние европейской культуры (А. К. Денисов, И. И. Краснов). В подобном контексте любительские переводы И. С. Ульянова демонстрируют то, как текст польской культуры менял свой смысл при переносе в казачью среду: стихотворения на хорошо знакомую польскому читателю тему недоступной любви в переводе превращались в прозу о принципиально новой для казачьего читателя возможности иной гендерной роли женщины.

Ключевые слова: донское казачество, Польша, микроистория, анализ нарративов, традиционная культура, культура романтизма, образ возлюбленной

Цитирование: Перетяшко А.Ю., Селезнева М.А. Образ романтической возлюбленной между двумя культурами: попытки перевода любовной лирики Адама Мицкевича казачьим офицером Иваном Ульяновым // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 245–272. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.9>.

Польша и Войско Донское

Что мы знаем о контактах донских казаков и поляков? Даже в такой наиболее детально изученной области донской истории, как военная, полноценных монографических исследований об участии донских казаков в военных действиях в связи с разделами Речи Посполитой и подавлением польских национальных восстаний фактически нет. Только в последние несколько лет вышли книги одного из крупнейших специалистов по истории донского казачества А. В. Венкова: «Казачи и Первый раздел Польши»¹ и «Участие казаков во Втором и Третьем разделах Польши»². Несмотря на публицистический стиль этих книг и опору автора преимущественно на русскоязычные источники, его исследования являются значимым вкладом в изучение отношений Польши с Донским Войском, поскольку в них впервые, хотя бы в общих чертах, намечена история развития мирных связей Польши и Дона. В интерпретации А. В. Венкова до XVIII в. эти связи были незначительны, и среди донских казаков того времени встречались венгры, греки, татары, но не поляки³. Ситуация изменилась в XVIII — начале XIX в., когда в донские казаки стали приниматься служившие Российской империи поляки⁴.

¹ Венков 2021а.

² Венков 2021б.

³ Венков 2021б: 8.

⁴ Венков 2021б: 8–9.

Так, например, произошло с родом Малчевских, который стал частью донской элиты. Но как правило, поляки в войске не поднимались выше чина есаула⁵. В то же время, по мнению А. В. Венкова, в отношении женщин ситуация была иной и «иметь жену-польку считалось среди казаков престижным»⁶. А основываясь на народных песнях исследователь пришел к выводу, будто бы «в песенном фольклоре можно усмотреть некое чувство вины казаков по отношению к польским женщинам»⁷. К сожалению, контакты казаков с польской культурой историк не рассматривал. Но одному частному случаю подобного контакта посвящена наша статья.

Тексты донских авторов первой половины XIX в.

Научные и художественные тексты донских казаков первой половины XIX в. представляют собой набор крайне разнообразных произведений, с трудом поддающихся обоснованному обобщению. В 1811 г. была напечатана первая книга, написанная донскими казаками, «Сочинения воспитанников Войска Донского в Императорском Харьковском университете»⁸. В это время донское общество воспринимало элементы высокой европейской культуры, причем не только русской: в дневнике молодого казачьего офицера, служившего в Санкт-Петербурге, Ивана Ивановича Краснова (1802–1871), только в записях за 1819 г. описывается, что он читал «книгу Милый гость Лафонтену»⁹, был в «театре при представлении Синдриллионы»¹⁰, восхищался в Эрмитаже картинами П. Рубенса¹¹, а его брат Семен написал вариации «Выходя на реченьку»¹². Однако те институты, которые отвечают за публичное распространение и сохранение печатных текстов, на Дону были неразвиты. Первая газета, «Донские войсковые ведомости», появилась только в 1839 г.¹³ Неофициальная

⁵ Венков 2021b: 8–10.

⁶ Венков 2021b: 10.

⁷ Венков 2021b: 10.

⁸ Багалей 1898: 833.

⁹ ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Ед. 11. Л. 6.

¹² Там же. Ед. 12. Л. 3.

¹³ Станько 2006: 10.

часть этой газеты вообще начала выходить лишь с 1852 г.¹⁴ Книги в регионе не печатались в принципе. Поэтому, хотя нам известно, что в первой половине XIX в. в среде донского казачества развивалась ориентирующаяся на европейские, а не на местные народные образцы культура, наследие этой культуры большей частью утеряно. Так, есть сведения, что казачьим поэтом, чьи стихи расходились в рукописях, в 1830-е годы был И. И. Краснов, но до нас дошел только один отрывок из его стихотворения, опубликованный в некрологе:

Поле тихими покровами
Ночь покрыла непроглядная;
А на небе отуманенном
Нет ни месяца, ни звездочки,
И заря угасла алая...¹⁵.

Уцелели только отдельные, и, что усугубляет проблему, часто вырванные из контекста художественные и научные тексты донских авторов первой половины XIX в. Несколько сочинений (что любопытно, оказавшихся маловажными для дальнейшей эволюции донской культуры) все же опубликовали еще в то время за пределами региона, в Харькове¹⁶. Самые значимые тексты были изданы по ходившим в среде казаков рукописям во второй половине XIX в. Важнейшим из них обычно считают «Историческое описание Земли Войска Донского» Василия Дмитриевича Сухорукова (1795–1841), «высшее достижение донской историографии не только первой половины XIX в., но и всего столетия в целом»¹⁷. Первые дошедшие до нас воспоминания донского атамана Андрияна Карповича Денисова (1763–1841), написанные в 1820 или 1830 г., издали только в 1874–1875 гг., к сожалению, с заменой авторского текста кратким пересказом тех мест, которые показались публикаторам менее интересными¹⁸.

¹⁴ *Струков И. И.* Алфавитный указатель статей, помещенных в неофициальной части Донских областных ведомостей с 1852 по 1876 год. Издание Областного Войска Донского Статистического комитета. Новочеркасск: Обл. В. Д. Типография, 1878. 131 с.

¹⁵ Королев 1991: 222.

¹⁶ Попов 1814; Попов 1816; *Леонов А. А.* Стихотворения Алексея Леонова. 1834–1838. Харьков: в губернской тип., 1839. 148 с.

¹⁷ Мининков 2010: 277.

¹⁸ История казака Войска Донского, атамана Андрияна Карповича Денисова. 1763–1841 гг. // Русская старина. 1874. Т. X. С. 3–4.

А. К. Денисов — первый известный нам казак, письменно зафиксировавший свои впечатления от контактов с польской культурой и польскими женщинами. К сожалению, эти места сокращались нещадно, но и в пересказе они весьма любопытны:

Денисову понравилась Варшава, он часто бывал в ней, жил по неделям, и начал, как сам выражается, “учиться щеголять”. <...> “В 1793 г. полк мой переведен из квартир близ Варшавы в лагерь. И здесь я приобрел расположение соседей: они приглашали меня на обеды и вечеринки”. Раз несколько дам, без кавалеров, уговорились и посетили казака; он угощал их кофеем, уговорил остаться на казачий ужин, послал в Варшаву за припасами, обратился к содействию местной помещицы Дочуминской, — “и на ужин было желе и пирожное. Гости были веселы, шутили с казаками и жаловались, что в военное время они очень их боятся”¹⁹.

Но насколько возможно исследование контактов донских казаков с польской культурой по подобным заведомо фрагментарным источникам?

Микроистория и культура, навязанная народу

«Основополагающими свойствами реальности являются прерывистость и разнородность»²⁰; «Лакуны и искажения, содержащиеся в документах, с которыми имеет дело исследователь, сами должны стать частью повествования»²¹; «Наиболее отклоняющаяся от нормы документация потенциально содержит наиболее богатые результаты»²², — три цитаты из статьи Карло Гинзбурга «Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю». Представляется, что анализ возможности изучения донских текстов первой XIX в. с позиций микроистории открывает широкие перспективы.

Распространение европейского образования и культуры обычно быстро влекло за собой появление людей, профессионально этой культурой занимавшихся. Как мы видели, на Дону этот процесс начался в 1810 г., когда в Харькове был издан ряд книг донских авторов. Для нас сейчас важно, что часть этих книг выходила в университетском

¹⁹ История казака Войска Донского. Т. XI. С. 384–385.

²⁰ Гинзбург 2004: 305.

²¹ Там же: 307.

²² Там же: 312.

издательстве²³, и вообще в приобщении донских казаков к европейской культуре большую роль играл Харьковский университет, в который с 1808 г. донские студенты поступали почти ежегодно²⁴. Однако уже в 1826 г. Александр Иванович Чернышев (1785–1857) в докладе Николаю I сообщил, что среди донских казаков «суждениями обучающихся в университетах» подстрекаются мысли к «самостоятельности их отчизны»²⁵. В 1836 г. Чернышев, ставший военным министром, при полной поддержке императора заявил донскому атаману Максиму Григорьевичу Власову (1767–1848) о важности «патриархальности как главной основы всех стремлений донского начальства»²⁶. В результате в течение правления Николая I европейская культура хотя и распространялась среди донского казачества, но заниматься большей частью ее отраслей профессионально казакам *de facto* было запрещено до старости. В начале 1860-х годов при обсуждении правительственных реформ представители станиц открыто заявили о «нарушении прав ученых и художников, получивших специальное образование», выражавшемся в том, что они наравне с остальными казаками были обязаны нести многолетнюю военную службу²⁷. В результате культуру донской элиты XIX в. можно определить как культуру, в которой все тексты, не связанные с государственной и военной службой, генерировали любители.

Поэтому на Дону было много авторов-любителей, писавших на самые разные темы, и там уцелел обширный пласт любительских текстов XIX в.: пускай большая часть его погибла, но и число сохранившихся текстов исчисляется десятками. Во введении к своей самой известной книге, «Сыр и черви», К. Гинзбург с откровенной иронией написал о тех исследователях, которые:

[В]идели в идеях, верованиях, мировоззренческих установках угнетенных классов всего лишь бессвязную мешанину идей, верований, мировоззренческих установок, выработанных господствующими классами и выработанных иногда в далеком прошлом²⁸.

²³ Багалей 1898: 436, 833.

²⁴ Дело о директоре гимназии и училищ Войска Донского А. Г. Попова // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. 6. Новочеркасск, 1906. С. 183–184.

²⁵ Краснов 1881: С. 47.

²⁶ Volvenko 2015a: 109.

²⁷ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 6 об.

²⁸ Гинзбург 2000: 32.

Исходя из этого, он противопоставил подлинно народную культуру (или, как он ее назвал, «культуру, созданную народом») «культуре, навязанной народу»²⁹. Однако, на наш взгляд, «культура, навязанная народу», то есть формы и результаты рецепции высокой культуры людьми, ее не вполне понимающими в силу образования и социального происхождения, могут быть не менее интересны, чем народная культура.

Именно с подобной точки зрения тексты донских авторов XIX в. являются ценным источником. В них мы можем наглядно увидеть, как происходила рецепция высокой культуры народом: собственно, «учившийся щеголять» в Варшаве А. К. Денисов уже может служить примером подобной рецепции. Элементы высокой культуры, науки, господских развлечений извлекались донскими авторами из прежнего контекста и вносились в свой, но часто с искажениями, так, как они были поняты.

Всякая социальная конфигурация является результатом взаимодействия бесчисленных индивидуальных стратегий: плотным переплетением, восстановить которое под силу лишь приближенному наблюдению³⁰.

Попытаемся спроецировать высказывание Гинзбурга на контакты донских казаков с польской культурой в конце XVIII — начале XIX в. и представим их частью сложной социальной конфигурации, заключавшейся в рецепции донскими казаками культур европейских (важнейшей из них, конечно, была русская культура, но, например, у донского историка-самоучки и сектанта Евлампия Никифоровича Кательникова (1774/1775–1852/1855), несмотря на отсутствие какого-либо специального образования, знавшего французский, немецкий и польский языки, в библиотеке были «молит[веник] немецк[ий]», «домнивиль польск[ий]» и «катехизис француз[ский]»³¹). И, реконструируя эти индивидуальные стратегии, интересные сами по себе, мы сможем понять ту социальную конфигурацию, которую они формируют — причем конфигурацию прерывистую и разнородную изначально, а не только вследствие гибели многих источников.

²⁹ Гинзбург 2000: 33–35.

³⁰ Гинзбург 2004: 312.

³¹ Мининков 2012: 221–223.

Семейство Ульяновых

Важнейшей источниковой базой для исследований по истории донской казачьей культуры первой половины XIX в. является фонд «Ульяновы» Государственного архива Ростовской области³². Ульяновы к началу XIX в. были родом так называемого донского чиновничества: они не имели ни наследственного дворянства, ни поместья, однако их мужчины дослуживались до чинов, дававших дворянство личное³³. Серьезного образования они, вероятно, тоже не получили: Иван Самойлович Ульянов, родившийся в 1803 г., как писали его младшие современники, «провел все свое детство и юность на домашних полевых работах: косил сено и растил хлеб, пахал землю, менял стога и прочее»³⁴. Тем не менее, и он, и его отец Самойла Никитич Ульянов были грамотными и вели переписку³⁵. А еще им обоим выпало служить в Царстве Польском³⁶. Отметим, что донские части стояли там с начала XIX в. до Первой мировой войны: так, было определено, что четыре из 20 донских армейских полков мирного времени служили в Варшавском военном округе (до этого власти распускали и созывали донские полки даже в мирное время по мере необходимости, и поэтому число донских казаков в Польше могло сильно варьироваться)³⁷.

Если С. Н. Ульянов служил обычным строевым офицером, то его сын И. С. Ульянов сумел обратить на себя внимание начальства. Он был отправлен в Польшу в 1820 г., вскоре прикомандирован к штабу главнокомандующего польской армией цесаревича Константина Павловича, в 1823 г. получил офицерский чин, а в 1825 г. — перевод в лейб-гвардию³⁸. Сам цесаревич выразил согласие стать крестным отцом первенца И. С. Ульянова Павла³⁹. Опыт штабной службы оказался полезен молодому казаку, и уже с 1830-х годов Иван Самойлович, вернувшись на Дон, вошел в круг высшей войсковой элиты,

³² ГАРО. Ф. 243.

³³ Морозова 2008: 299.

³⁴ Донцы XIX века. Ростов-на-Дону: Б. и., 2003. С. 480.

³⁵ Морозова 2008: 300–302.

³⁶ Морозова 2008: 302.

³⁷ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 55.

³⁸ Донцы XIX века. С. 481.

³⁹ Морозова 2008: 312.

не по богатству или происхождению, но по своему влиянию: он занимал важные должности в местной администрации⁴⁰. Что еще важнее, И. С. Ульянов оказался принят в тесный круг образованных донских казаков, сблизившись с И. И. Красновым⁴¹. В конце жизни, к 1860-м годам, сам И. С. Ульянов стал «маститым краеведом и публицистом» и играл ключевую роль в общественной жизни донского казачества, защищая его привилегии от любых реформ и изменений⁴². Вероятно, именно в связи с активной общественной и литературной деятельностью, а также исходя из личного интереса, Иван Самойлович собирал и хранил самые разные тексты, имевшие отношение к казачеству: от его собственных публицистических статей⁴³ до выписок из работ иностранных авторов⁴⁴, от чужих стихов⁴⁵ до делопроизводственных материалов о постройке Ольгинской дамбы⁴⁶.

Матримониальные практики казаков

Но вернемся к периоду службы отца и сына Ульяновых в Польше. В это время они неоднократно конфликтовали с членами семьи, преимущественно женщинами, оставшимися на Дону. У С. Н. Ульянова случился роман с дамой в Кракове, и уже немолодой казак в связи с этим затягивал поездку домой «на льготу» (период между двумя призывами на службу), предпочитая проводить время с любовницей-полькой⁴⁷. Показательно, что отца уговаривал вернуться домой сын, но при этом даже не пытался обосновать необходимость возвращения чувствами: И. С. Ульянов страдал отца гневом начальства, дурным примером детям и тем, что его отсутствие причиняет «сердечную скорбь и пустоту» всей семье, не упоминая отдельно мать⁴⁸.

Подобное отношение к женщинам, лишённое романтического флера или сентиментальности, было характерно для традиционной культуры донского казачества. В самом основательном исследовании

⁴⁰ Донцы XIX века. С. 481.

⁴¹ Королев 1991: 231.

⁴² Volvenko 2015b: 101–104.

⁴³ ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 223–256.

⁴⁴ Там же. Д. 29. Л. 52–52 об, 61 об–62.

⁴⁵ Там же. Д. 28. Л. 23–24 об.

⁴⁶ Там же. Д. 20. Л. 1–60 об.

⁴⁷ Морозова 2008: 302.

⁴⁸ Морозова 2008: 302.

по этнографии донских казаков XIX в., в «Сведениях о казацких общинах на Дону» М. Н. Харузина, фиксируется сугубо прагматическое отношение к браку как к социальной потребности и способу получения материальной выгоды; ни духовая близость, ни симпатия никакой роли не играет. Один из казаков так безыскусно объяснил исследователю смысл брака: «Без жены честно прожить нельзя: плоть-то не сдержишь, а от греха надо дальше быть и жить по закону»⁴⁹. Отмечали собеседники М. Н. Харузина и то, что «без жены <...> нельзя вести хорошо хозяйство»⁵⁰. Разлука мужа и жены в этом обществе была нормой: часто специально женили совсем молодого казака, чтобы «получить возможно скорее в дом работницу, ибо мужу придется скоро справляться на службу»⁵¹. Естественно, при подобном подходе желательно было подобрать невесту, вступившую в период расцвета физической силы. Порой это вело к комическим ситуациям. М. Н. Харузин описал несколько из них со слов самих казаков, например:

Случалось, что жена коров доит, а ребенок-муж подле нее заснет. <...>. А когда муж вырастет, то жена уже старухой станет; тогда он живет либо с невесткой, либо с соседкой⁵².

Возможно, такие ситуации не были правилом, но вполне очевидно, что индивидуальность невесты для казаков не могла играть заметной роли и тем более не становилась критерием выбора. Если молодой казак не чувствовал к какой-либо девушке «особенного сердечного влечения», то родители могли не только женить его по своей воле, но и выбрать невесту жребием из подходящих кандидатур⁵³.

Когда И. С. Ульянов уже достиг больших чинов и командовал полком в Бессарабии, один из подчиненных ему офицеров хотел жениться на местной девушке; его родственники не были против, но обратились с письмом к командиру полка, желая получить объективную информацию о невесте, а главное — о ее отце; при этом они не скрывали своей корысти: «Ежели он из простых людей и небогатых, то

⁴⁹ Харузин 1885: 101.

⁵⁰ Харузин 1885: 101.

⁵¹ Харузин 1885: 102.

⁵² Харузин 1885: 103.

⁵³ Харузин 1885: 102.

Михайла Климович на такой и здесь может жениться»⁵⁴. Родственники жениха недвусмысленно писали, что дадут согласие на брак, «если будет какая-то выгода Михайле Климовичу»⁵⁵. Как считает О. М. Морозова, и сам И. С. Ульянов в 1824 г. женился по воле своей семьи, а главную роль в заключении брака сыграло наличие у избранницы его родителей личного дворянства и поместья в Тамбовской губернии⁵⁶. Никаких свидетельств духовной близости Ивана Самойловича и его жены Татьяны Ивановны Карасевой нет. Более того, он, собравший множество документов, сохранил только три письма жены, и все — по хозяйственным вопросам⁵⁷.

Тем не менее, уже в 1825 г. И. С. Ульянов стал требовать от матери отпустить его жену в Польшу. Мать, Матрена Семеновна, в полном соответствии с традиционным представлением донских казаков о выгодном браке и гендерных ролях, хотела не только богатую невесту, но и помощницу по хозяйству, поскольку мужчины служили, а ее единственная дочь сама достигла брачного возраста и должна была скоро покинуть семью⁵⁸. Теплых чувств к невестке М. С. Ульянова не испытывала, однако отпустить ее отказывалась⁵⁹. Сын в свою очередь обвинял мать в том, что она нашла не ему жену, а помощницу себе⁶⁰. Только через два года, в 1827 г., женщине позволено было отправиться от свекрови к мужу⁶¹.

Переводы Мицкевича

В более ранней статье в центре анализа находилось творческое наследие И. С. Ульянова, связанное с Польшей⁶², там же отмечалось, что о его контактах с польскими учеными и литераторами ничего не известно, а из значительных польских писателей он переводил только Адама Мицкевича (1798–1855)⁶³. На тот момент нам удалось

⁵⁴ Морозова 2008: 303–304.

⁵⁵ Морозова 2008: 304.

⁵⁶ Морозова 2008: 304.

⁵⁷ Морозова 2008: 306.

⁵⁸ Морозова 2008: 304–305.

⁵⁹ Морозова 2008: 304.

⁶⁰ Морозова 2008: 305.

⁶¹ Морозова 2008: 305.

⁶² Перетяцько 2019: 42–56.

⁶³ Перетяцько 2019: 46, 52–53.

обнаружить только перевод статьи «О критиках и рецензентах варшавских»⁶⁴. Однако, обратившись к изучению комедии И. С. Ульянова «Письмо», мы неожиданно обнаружили, что к нему прилагается 11 стихотворных переводов с общим заглавием «Из А. Мицкевича»⁶⁵. Переводы не датированы, но, судя по почерку, относятся к 1820-м годам — то есть к варшавскому периоду службы И. С. Ульянова. (Его ранний почерк крайне аккуратен и разборчив, в то время как с 1830 годов, когда он стал крупным чиновником на Дону, эти аккуратность и разборчивость исчезают).

В это время молодой офицер демонстрировал явный интерес к поэзии. В 1831 г., находясь в польском плену, он познакомился с хорунжим М. М. Марковым, также равнодушным к сочинительству⁶⁶. Марков, Ульянов и некоторые другие казаки занялись в плену перепиской в поэтической форме, из которой до нас дошли только стихотворные послания неизвестного лица. В одном из них автор описал Ивана Самойловича как создателя множества литературных произведений:

Так ты своею лирою младую
Раз басенкой даришь,
Поешь идиллию; порою —
С Гомером в облаках паришь
На крыльях вымысла святого;
Или, чтоб друга дорогого,
В часы свободные занять,
Послание свое даешь ему читать!
Красавицам — романсы посвящаешь;
На злых — сатирою кидаешь⁶⁷.

Итак, донской офицер, согласно этому довольно неуклюжему отрывку, писал романсы «красавицам». Это хорошо соотносится с тем, что в творчестве Мицкевича его привлекала преимущественно любовная лирика. И. С. Ульянов перевел следующие стихотворения великого польского поэта: 1) «На греческую залу в доме княгини Зинаиды Волконской, в Москве 1827 г.» (*«Na pokój grecki: w domu*

⁶⁴ Перетяцько 2019: 52–53.

⁶⁵ ГАРО. Ф. 243. Д. 28а. Л. 29–39.

⁶⁶ *Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1901. Вып. II. С. 82.*

⁶⁷ ГАРО. Ф. 243. Д. 28. Л. 21 об.

księżnej Zeneidy Wolkońskiej w Moskwie»); 2) «К ***» («Do...»); 3) «Отречение» («*Rezygnacya*»); 4) «Посещение» («*Do D.D. (Wizyta)*»); 5) «Разговор» («*Rozmowa*»); 6) «Стихи в альбом Людовики М., написанные по просьбе нареченного ее, Иг. Ходзки, 12/24 октября 1824 года, в день отъезда автора из Литвы» («*W imionniku Ludwiki Mackiewiczównej*»); 7) «К М. Стихи, написанные в 1823 году» («*Do M... Wiersz napisany w roku 1823*»); 8) «Сон» («*Sen*»); 9) «Другой перевод для припева под гитару под голос оригинала» («*Sen*», принципиально иная попытка перевода: единственный случай, когда И. С. Ульянов пытался сохранить размер подлинника, чтобы петь его, поэтому мы считаем ее отдельно); 10) «Мореплаватель» («*Żeglarz*»); и 11) «Четыре ура» («*Toasty*»)⁶⁸. Первые девять из этих переводов посвящены несчастной любви, недоступности любимой или разлуке с ней.

Особенности перевода

Большинство переводов И. С. Ульянова могут показаться грубым подстрочником, выполнявшимся без всякой рефлексии. При детальном анализе творчества донских авторов-любителей XIX в. вообще есть риск принять спонтанно сложившуюся деталь текста за осознанный художественный прием, а неловкость автора — за глубину мыслей. Так следует ли вообще анализировать переводы И. С. Ульянова из А. Мицкевича, рассматривая их как важный для переводчика контакт культур, а не спонтанный случай?

Благодаря тому, что в нашем распоряжении оказались авторские рукописи с правкой, можно увидеть, что Иван Самойлович серьезно размышлял над своими переводами и вносил в них заметные исправления. Так, хотя большой текст «На греческую залу в доме княгини Зинаиды Волконской, в Москве 1827 г.» представлен беловиком, в него вносились изменения карандашом и, если сравнивать с другими рукописями, почерком И. С. Ульянова, но более позднего времени⁶⁹. В другой прозаической его рукописи польского периода также есть правка карандашом, сделанная схожим почерком, и она датирована самим автором 1844 г.⁷⁰ В стихотворении «К ***» мы видим уже и правку чер-

⁶⁸ ГАРО. Ф. 243. Д. 28. Л. 29–39.

⁶⁹ Там же. Д. 28а. Л. 29–31.

⁷⁰ Там же. Д. 28. Л. 41 об.

нилами тем же почерком, которым написан основной текст, и правку карандашом изменившимся почерком, следовательно, тут исправления вносились переводчиком и в 1820 г., и в 1840 г.⁷¹ Из всех стихов наибольшим изменениям подвергалось стихотворение «Разговор», причем эта правка демонстрирует дифференцированный подход переводчика к разным частям стихотворения: если его третья, последняя строфа сразу получилась у И. С. Ульянова такой, какой он хотел, то первые две строфы содержат столько правок, и чернилами, и карандашом, что можно говорить о двух полноценных вариантах перевода. Привести оригинал Мицкевича и эти варианты нам кажется полезным для демонстрации специфических переводческих практик И. С. Ульянова:

Rozmowa

Kochanko moja! na co nam rozmowa?
 Czemu, chcąc z tobą uczucia podzielać,
 Nie mogę duszy prosto w duszę przelać?
 Za co ją trzeba rozdrabiać na słowa,
 Które nim słuch twój i serce dościgną,
 W ustach wietrzeją, na powietrzu stygną?

Kocham, ach! kocham, po sto razy wołam:
 A ty się smucisz i zaczynasz gniewać,
 Że ja kochania mego nie zdołam
 Dostyc wymówić, wyrazić, wyśpiewać;
 I jak w letargu, nie widzę sposobu
 Wydać znak życia, bym uniknął grobu.

Strudziłem usta daremnem użyciem:
 Teraz je z twemi chcę stopić ustami,
 I chcę rozmawiać tylko serca biciem,
 I westchnieniami i całowaniami,
 I tak rozmawiać, godziny, dni, lata,
 Do końca świata i po końcu świata.

Разговор (первоначальный вариант. — А. П., М. С.)

О, милая моя! Ни к чему нам потребление слов. Желая делить с тобой чувства, для чего не могу перелить души моей в твою душу. За что ее дробить на слова, которые прежде, нежели достигнут слуха твоего и сердца, ветреют на устах, на воздухе стынут.

⁷¹ ГАРО. Ф. 243. Д. 28а. Л. 31–31 об.

#

Люблю тебя, ах! Стократ твержу: люблю тебя! А ты смущаешься и начинаешь сердиться, что не могу вполне высказать, выразить, воспеть любви моей, а, подобный объятому летаргическим сном, не нахожу возможности обнаружить признак жизни, чтобы избежать могилы.

#

Теперь утружденные напрасными словами уста мои хочу слить с твоими устами, хочу беседовать только биением сердца, и вздохами, и поцелуями, и так беседовать часы, дни, годы — до конца света и после конца света.

Разговор (окончательный вариант. — А. П., М. С.)

О, милая моя! Для чего нам прибегать к словам. Для чего, желая делить с тобой чувства, я не могу просто перелить души в душу. На что дробить ее на слова, которые прежде, нежели достигнут слуха твоего и сердца, на устах ветреют, на воздухе стынут.

#

Люблю тебя, ах! Стократ твержу: люблю тебя! А ты смущаешься и начинаешь сердиться, что любви моей не могу вполне высказать, выразить, воспеть, а, подобный объятому летаргическим сном, не нахожу возможности подать знак жизни, чтобы избавиться от могилы.

#

Теперь утружденные напрасными словами уста мои хочу слить с твоими устами, хочу беседовать только биением сердца, и вздохами, и поцелуями, и так беседовать часы, дни, годы — до конца света и после конца света⁷².

Бросается в глаза, что, при относительно точном воспроизведении смысла слов Адама Мицкевича, И. С. Ульянов значительно изменил пунктуацию, убирая вопросы и добавляя восклицания. В переводах он вообще регулярно усиливал экспрессию оригинала. Нам даже удалось обнаружить в другом его стихотворении место, где он изменил прямой смысл начального текста. В стихотворении «К М. Стихи, написанные в 1823 году», есть строки, относящиеся к бывшей возлюбленной лирического героя, читающей книгу, в которой любовники воссоединяются после разлуки: *Zagasisz świecę i pomyślisz sobie: / Czemu nasz romans tak się nie zakończył?* И. С. Ульянов перевел

⁷² ГАРО. Ф. 243. Д. 28а. Л. 33.

эти строки так: «Объятая горестью, ты молвишь: “Для чего историю сердце наших не так кончил жребий!”»⁷³. В данном случае не только несколько элегический тон А. Мицкевича сменился экспрессивным восклицанием, но и место подстрочника занял совершенно иной текст: возлюбленная героя не гасит свечу, но объята горем, а вместо простого слова «роман» используется сентиментальный образ «история сердец наших».

В то же время в приведенном переводе хорошо прослеживается неопытность И. С. Ульянова как поэта, особенно в первоначальном варианте. Так, в первой же строке переводчик заменяет литературное «*roztocha*» на неуместный в любовной лирике канцеляризм «потребление слов», помимо повтора эмоционально насыщенного выражения «конца света» в последней строке («до конца света и после конца света»), в тексте присутствуют и неоправданные повторы, отсутствующие в оригинале.

И. С. Ульянов несомненно совершенствовал свои переводы, видимо, понимал. Его позднейшие правки во многом объяснялись как раз желанием убрать имевшиеся в редакции 1820 г. канцеляризмы и архаизмы. Например, в стихотворении «На греческую залу в доме княгини Зинаиды Волконской, в Москве 1827 г.» карандашом зачеркнуты слова «долженствующие» и «инда», и вместо них написано «что должны были» и «так»⁷⁴. Донской офицер пытался и подбирать слова, более точно, с его точки зрения, передающие польский оригинал. Например, хранящиеся в греческой зале саркофаги первоначально «обращаются в прах», а после исправлений карандашом «низвергаются в прах» (кстати, обратим внимание на очередное усиление экспрессии⁷⁵). Переводчик работал не только со смыслом, но и с порядком слов. Так, как раз при переводе стихотворения «Разговор», пытаясь передать строку «*Nie mogę duszy prosto w duszę przelać*», он трижды менял положение слов «просто» и «перелить»⁷⁶.

Таким образом, хотя уровень И. С. Ульянова, конечно, не соответствовал мастерству польского классика, его переводы никак нельзя считать обычным подстрочником. Переводчик работал и с пунктуацией, и с подбором более точных слов, и даже с их порядком, причем

⁷³ ГАРО. Ф. 243. Д. 28а. Л. 35.

⁷⁴ Там же. Л. 29 об.

⁷⁵ Там же. Л. 29 об.

⁷⁶ Там же. Л. 33.

смысл последней работы нам не вполне ясен. На наш взгляд, переводы И. С. Ульянова даже не лишены определенных художественных достоинств, прежде всего благодаря попыткам максимально точно передать образность оригинала. Однако результат получился весьма своеобразным и откровенно странным: это не дословный подстрочник, но и не полноценный перевод, в нем в итоге нет ни точного воспроизведения оригинала (сильно изменена пунктуация), ни попытки сохранить художественную форму стихов А. Мицкевича.

Образы женщин

Очевидный тематический выбор большинства стихотворений, тщательность их перевода и попытки сохранения авторских образов с усилением экспрессии по сравнению с оригиналом свидетельствуют о том, что содержание переводимых текстов вызывало у И. С. Ульянова эмоциональный отклик. Кроме того, его переводы польской прозы показывают очевидную корреляцию между выбираемыми текстами и взглядами самого переводчика: так, переведенная им статья «О критиках и рецензентах варшавских» А. Мицкевича перекликается с критикой самого И. С. Ульянова в адрес поляков⁷⁷. В другом переводе с польского, из произведения неустановленного автора, поляков хвалили за предпочтение воинствующим правителям правителей созидających, что, в представлении И. С. Ульянова, судя по всему, перекликалось с его идеей о том, что Польша обязана принесть мир русским своим процветанием:

<...> кто в тишине занимается внутренним устройством, распространяет земледелие, возвышает торговлю, вводит науки, производит строения, тот может быть предпочтен тому, который с шумом разрушает и уничтожает <...>⁷⁸

Так какие же образы женщин в лирике Адама Мицкевича привлекли И. С. Ульянова? Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать в форме таблицы.

Как мы видим, все переводы И. С. Ульянова из любовной лирики А. Мицкевича объединены темой недоступности любимой,

⁷⁷ Перетяцько 2019: 52–53.

⁷⁸ Перетяцько 2019: 52–53.

Таблица 1

**Образы женщин в лирике А. Мицкевича,
переведенной И. С. Ульяновым**

Название стихотворения	Положение героини	Отношения лирического героя и героини	Характерная цитата
«На греческую залу...»	Богатая и образованная аристократка	Герой обожает героиню и восхищается ей, она холодна к нему	«Ах, скажу я, что был на полдороге в Рай, с душою полу-восторженной, полу-смущенной, — внимал в полголоса Гэбригам райским и видел полусвет и полу-тьень райскую, и получил, о Боже! лишь полу-спасение!»
«К ***»	Юная девушка	Герой отвергает любовь героини, опасаясь причинить ей вред	«Но мое надгробие и кладбище прошедшего. Вейся, южный плющ, вкруг зеленых тополей, и оставь тернию окружать надгробные памятники»
«Отречение»	Абстрактная возлюбленная	Герой влюблен, героиня отвергает его	«И сердце в нем (отвергнутом влюбленном. — А. П., М. С.) подобно древнему храму, опустошенному непогодами и временем, где божество не хочет обитать, а люди не смеют»
«Посещение»	Светская дама	Герой хочет беседовать с героиней, но ту отвлекают светские визитеры	«Я считаю минуты как преступник, которого ожидает последняя пытка; а ты плетешь ничтожные рассказы о последней вечеринке»
«Разговор»	Абстрактная возлюбленная	Герой хочет высказать свою любовь, героиня сердится на его за неудачи	«Теперь утружденные напрасными словами уста мои хочу слить с твоими устами, хочу беседовать только биением сердца, и вздохами, и поцелуями, и так беседовать часы, дни, годы — до конца света и после конца света»
«Стихи в альбом...»	Невеста друга поэта	Герой одинок, и, чтобы скрасить одиночество, обращается к чужой любимой	«Так заблудившийся путник в Альпийских ущельях заводит песню, чтобы разведелить себя от скуки; и если одинокое сердце не знает петь кому, поет возлюбленной своего друга»
«К М.»	Бывшая возлюбленная поэта	Герой влюблен, героиня отвергает его, но не в силах забыть	«Так на каждом месте и в каждую пору, где я с тобою плакал, где проводил с тобою время — всегда и везде буду с тобою: ибо везде оставил частичку души моей»

Окончание табл. 1

Название стихотворения	Положение героини	Отношения лирического героя и героини	Характерная цитата
«Сон»	Абстрактная возлюбленная	Герой и героиня влюблены друг в друга, но им предстоит разлука	«Прижму уста свои к твоим устам; я не хочу смежать ресниц, когда постигнет меня мрак смерти: пусть усну навеки в восторгах, целя в ланиты и смотря в твои очи» (герой просит героиню отравить его вместо разлуки, и надеется потом воскреснуть по ее воле. — А. П., М. С.)
«Другой перевод...»	Абстрактная возлюбленная	Герой и героиня влюблены друг в друга, но им предстоит разлука	«Уста к устам твоим прильну, ресницы Смежать не стану, когда смерть постигнет: Пускай в восторгах усну я навеки, В уста целуя, смотря в твои очи».

Источник: ГАРО. Ф. 243. Д. 28а. Л. 29–36 об.

проявляющейся в самых разных формах: от разлуки до неспособности лирического героя выразить свою любовь словами, от отсутствия взаимности до невозможности соединиться. Выше мы рассмотрели традиционное для донских казаков отношение к женщинам, браки по расчету, чтобы избежать греха прелюбодеяния, получить помощницу по хозяйству или улучшить свое благосостояние, и показали, что разлука с женой была для казаков нормальным, даже обычным и неизбежным явлением: она повторялась снова и снова, каждый раз, когда мужчина уходил на службу. И на этом фоне выбор И. С. Ульяновым стихотворений о трагичности разлуки и недоступности любимой выглядит особенно необычным. В конце концов, он мог выбрать у того же Мицкевича более жизнерадостные любовные стихи, например, «*Przypomnienie*» или «*Pierwszy raz jam niewolnik...*». Однако донского автора переводов в любовной лирике привлекала исключительно тема несчастной любви, разлуки и недоступности любимой, причем, как видно из приведенного выше примера о работе над одним из стихотворений («Другой перевод для припева под гитару...»), он пел посвященные ей стихи под гитару.

В то же время нельзя не отметить, что в переводах И. С. Ульянова из поэзии А. Мицкевича образ возлюбленной лирического героя никогда не детализировался. Из приведенной таблицы следует, что в четырех переводах из девяти она вообще предстает абстрактной женской фигурой, к которой устремлены эмоции и рассуждения

лирического героя. Но и в оставшихся пяти — возлюбленная обычно только обозначена одной чертой, причем достаточно общей и условной. Так, в стихотворении «К ***» описания героини сводятся к тому, что она «невинное создание», «дитя» и «счастлива», а ее действия ограничены тем, что она любит героя, «смотрит мне в очи» и «вздыхает», чем проявляет «простодушие»⁷⁹. В стихотворении «К М. Стихи, написанные в 1823 году», в котором, на первый взгляд, в единственном из всех, в центре внимания не лирический герой, а его возлюбленная, ее образ сводится к тому, что она «касается рукой арфы», присутствует на балу, читает книгу о влюбленных и грустит по герою⁸⁰. В результате в рассмотренных нами переводах сложно найти какой-либо след конкретных женских характеров, а присутствуют только предельно условные образы романтических возлюбленных, прекрасных и идеальных.

Ключевой чертой возлюбленной становится не какое-то качество, не особенность ее личности, но способность повелевать лирическим героем, влиять на его разум и чувства. В переводе «На греческую залу в доме княгини Зинаиды Волконской, в Москве 1827 г.» героиня описывается как «прелестная путеводительница», способная вознести героя в рай⁸¹. В стихотворении «Сон» герой выражает надежду, что возлюбленная в будущем снизойдет с неба, чтобы пробудить его от смерти⁸². Даже юная героиня стихотворения «К ***» «возжигает в недрах моих преступный пламень»⁸³. Как нам представляется, в выбранных И. С. Ульяновым для перевода стихах А. Мицкевича, как и в казачьей традиционной культуре, оказывается важной не женщина как личность, но женщина как исполнительница определенной гендерной роли, вот только эта роль совершенно иная.

У казаков женщина выступала в роли выгодного социально-го партнера для мужа и его семьи. В стихах А. Мицкевича женщина предстала в роли, характерной для культуры европейского романтизма: желанной для мужчины возлюбленной, занимающей его мысли и чувства и важной даже после разрыва («всегда и везде буду с тобою: ибо везде оставил частицу души моей»). Конкретные черты

⁷⁹ ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28а. Л. 31–31 об.

⁸⁰ Там же. Л. 34–35.

⁸¹ Там же. Л. 30 об–31.

⁸² Там же. Л. 36.

⁸³ Там же. Л. 31 об.

возлюбленной не прописывались, но она безусловно должна привлекать мужчину, причем привлекать именно как любимая, а не социальный партнер, неважно, красотой, умом, обаянием или еще какими-то качествами. В рамках традиционной культуры донского казачества значение личности в матримониальных практиках, как мы видели выше, было весьма низким, вплоть до того, что жена казака выбиралась жребием из подходящих кандидатур. В переводах И. С. Ульянова из Мицкевича, напротив, важность героини для героя приобретает трансцендентальный характер: в единственном стихотворении, которое И. С. Ульянов перевел дважды, причем один раз с сохранением размера, смерть оказывается предпочтительнее разлуки с любимой, и любимая важнее самой этой смерти. Понятно, что такая женщина должна быть уникальна: романтическая любовь становилась важнее выгоды и социального партнерства. Очевидно, подобная гендерная роль женщины оказалась очень привлекательной для И. С. Ульянова, и он переводил раскрывающие ее стихотворения А. Мицкевича снова и снова.

Возможно, индивидуальная стратегия И. С. Ульянова именно в той ее части, которая связана с попыткой уйти от традиционной для казаков гендерной роли женщины, находит параллели в индивидуальных стратегиях некоторых его современников.

Контакт культур

Скоро после сего узнал я от родителей моих, что в казачьем городке Дубовке, при Волге реке стоящем, есть хорошая у одного войскового казачьего чиновника Персидского, довольно богатого, дочь; что она единственная его наследница. И как с большою похвалою мои родители об ней относились, но лично ее не знали, а только по слуху, так разумели и советовали мне ехать и свататься. Таких резонов довольно для того было, чтоб я решился. <...> Я увидел, хотя не все, но что я несчастлив. Жена моя сделалась угрюма и невесела, редко оставяла постель и всегда жаловалась на озноб, как бы признаки лихорадки. Она открылась, что несколько годов страдает одним женщинам свойственною болезнью, которую и теперь она чувствует. Докторов у нас нет, и мне осталось горевать; тем более что она так была упряма, что едва что-либо можно из положения ее переменить. Она не переменялась к лучшему и, по рождению дочери, продолжала быть упрямою, ничем не занималась, кроме дитяти, и то не по-людски; кое-как одевалась, но более лежала и ела, и даже сделалась неупросимою

ехать к близко живущему лекарю. Тогда вспоминал я часто, как надо бы было быть осмотрительно в выборе невесты, но поздно⁸⁴.

Так описывал свою несчастную семейную жизнь А. К. Денисов.

Я опять провел в разговорах с Каролиною приятнейших минут пять, больше неможно было, но ожидаю доброго часа. Премилая девушка! Я не знаю... какое-то удивительное участие сердце мое берет в ней. <...> Она не хороша, при том у нее болит правый глаз, но это забывает в минуту, видишь ум только и ее неоцененное сердце⁸⁵.

А так И. И. Краснов зафиксировал встречу с некрасивой, но умной знакомой в своем петербургском дневнике.

В статье «К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект)» Ю. М. Лотман высказал две важнейшие для наших дальнейших рассуждений мысли. Во-первых, по его мнению, в результате представляющего наибольшую ценность взаимодействия культур происходит не только «передача сообщения», но и «выработка новых сообщений»⁸⁶. Во-вторых, он отрицал детерминированность развития культуры, напротив, указав, что по мере развития культура увеличивает свою «внутреннюю неопределенность, набор возможностей, которые в ходе ее реализации остаются неосуществленными»⁸⁷.

Благодаря смене контекста переводы И. С. Ульянова обретали новые культурные смыслы, отличные от первоначального культурного смысла стихов А. Мицкевича. То, что в оригинале представляло собой гениальное стихотворение на хорошо знакомую польскому читателю тему недоступности любимой, в переводе превращалось в весьма странную с художественной точки зрения прозу о принципиально новой для казачьего читателя возможности иной гендерной роли женщины. Контакт культур продемонстрировал возможность подобных изменений, в то время как вывести идею смены гендерной роли из традиционной казачьей культуры без рецепции извне если и возможно, то значительно сложнее.

В то же время переводы И. С. Ульянова демонстрируют неосуществленную возможность более значительной и очевидной рецепции

⁸⁴ История казака Войска Донского, атамана Андрияна Карповича Денисова. 1763–1841 гг. // Русская старина. 1874. Т. X. С. 29, 31–32.

⁸⁵ ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 1 об.

⁸⁶ Лотман 1992: 114.

⁸⁷ Лотман 1992: 119.

донскими казаками элементов польской культуры. Помимо случая А. К. Денисова, отметим, что в другом личном фонде ГАРО, фонде Х. И. Попова, хранится еще одна подборка подстрочных переводов из А. Мицкевича, с И. С. Ульяновым, по-видимому, никак не связанная⁸⁸. Еще любопытнее и значительнее сюжет о том, что в первой книге донского казака по истории донского казачества, «Истории о Донском Войске» А. Г. Попова, предками казаков и русских в соответствии с сарматским этногенетическим мифом Речи Посполитой указывались «Сармато-Скифы», а в использованной автором литературе есть работы польского сторонника этого мифа, С. Богуш-Сестренцевича⁸⁹. Однако польская культура оказалась важна для индивидуальных стратегий лишь второстепенных для донской культуры авторов.

На более же обобщающем уровне мы видим, что «культура, навязанная народу», искаженная выходцами из народа рецепция элементов высокой культуры, может быть следствием их глубинных потребностей, а не результатом бездумного подражания престижным практикам. Вот только сообщение высокой культуры после перевода из одной системы взглядов в другую автором, не имеющим специальной подготовки, рискует поменять смысл и утратить свою привлекательность для читателя.

Список сокращений

ГАРО — Государственный архив Ростовской области
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

Литература

- Багалея 1898 — *Багалея Д. И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Харьков: Паровая типография и литография Зильберберг, 1898. Т. I. 1204 с.
- Венков 2021а — *Венков А. В.* Казаки и Первый раздел Польши. Ростов-на-Дону: URSS, 2021. 318 с.
- Венков 2021б — *Венков А. В.* Участие казаков во втором и третьем разделах Польши. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. 328 с.
- Гинзбург 2000 — *Гинзбург К.* Сыр и черви. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.

⁸⁸ ГАРО. Ф. 55. Д. 33.

⁸⁹ Попов 1814: VII–VIII, 117.

- Гинзбург 2004 — *Гинзбург К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // *Гинзбург К.* Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004. С. 287–320.
- Королев 1991 — *Королев В.Н.* Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону: Росиздат, 1991. 462 с.
- Краснов 1881 — *Краснов Н.И.* Исторические очерки Дона. Борьба Черныше-ва с войсковыми атаманами // Русская речь. 1881. № 8. С. 32–64.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю.М.* К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи в 3-х т. Таллин: Alexandria, 1992. Т. I. С. 110–120.
- Мининков 2010 — *Мининков Н.А.* Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века // Терминология исторической науки. Историописание / отв. ред. М. С. Бобкова, С. Г. Мереминский. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 266–285.
- Мининков 2012 — *Мининков Н.А.* Библиотека Евлампия Кательникова // Донской временник. Вып. 21. Ростов-на-Дону, 2012. С. 221–223.
- Морозова 2008 — *Морозова О.М.* Ульяновы. Семья донских казаков за столет // Диалог со временем. 2008. № 23. С. 298–318.
- Перетяцько 2019 — *Перетяцько А.Ю.* Польша и поляки глазами донского казака: мемуарное, публицистическое и литературное наследие И. С. Ульянова, офицера штаба великого князя Константина Павловича // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14. № 1–2. С. 42–56.
- Попов 1814 — *Попов А.Г.* История о Донском войске. Харьков: Университетская Типография, 1814. Ч. 1. 189 с.
- Попов 1816 — *Попов А.Г.* История о Донском войске. Харьков: Университетская Типография, 1816. Ч. 2. 291 с.
- Станько 2006 — *Станько А.И.* История журналистики Дона и Северного Кавказа (XIX в.). Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2006. 173 с.
- Харузин 1885 — *Харузин М.Н.* Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права. М.: Тип. М.П. Щепкина, 1885. Вып. 1. 338 с.
- Volvenko 2015a — *Volvenko A.A.* Chebotarev A.P. — “the Grey Cardinal” of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // History and Historians in the Context of the Time. 2015. Vol. 15. Is. 2. P. 106–114.
- Volvenko 2015b — *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina. 2015. Vol. 14. Is. 2. P. 94–107.

References

- Bagalei, D.I., 1898. *Opyt istorii Khar'kovskago universiteta (po neizdannym materialam)* [The experience of the history of Kharkiv University (based on unpublished materials)], I. Kharkiv: Parovaia tipografiia i litografiia Sielberg, 1204 p. (in Rus.)

- Ginzburg, C., 2000. *Syr i chervi* [The cheese and the worms]. Moscow: ROSSPEN, 272 p. (in Rus.)
- Ginzburg, C., 2004. Mikroistoriia: dve ili tri veshchi, kotorye ia o nei znaiu [Microhistory: two or three things that I know about it]. In: Ginzburg, C. Mify — Emblemy — Simvoly: Morfologiya i istoriia [Myths, Emblems, Clues: Morphology and History]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 272 p. (in Rus.)
- Kharuzin, M.N., 1885. *Svedeniia o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlia obychnogo prava* [Information about the Cossack communities on the Don: materials for the common law], 1. Moscow, 338 p. (in Rus.)
- Korolev, V.N., 1991. *Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh* [Starye Veshki. A narration about the Cossacks]. Rostov-on-Don: Rosizdat, 461 p. (in Rus.)
- Krasnov, N.I., 1881. Istoricheskie ocherki Dona. Bor'ba Chernysheva s voikovymi atamanami [Historical essays of the Don. The struggle of Chernyshev against the Host's Atamans]. *Russkaia rech'* [Russian Speech], 8, pp. 32–64. (in Rus.)
- Lotman, Iu. M., 1992. K postroeniiu teorii vzaimodeistviia kul'tur (semioticheskii aspekt) [To the construction of the theory of the interaction of cultures (semiotic aspect)]. In: Lotman, Iu. M. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh* [Featured articles in three volumes], I, Tallinn: Alexandria, pp. 110–120. (in Rus.)
- Mininkov, N.A., 2010. Praktiki istoriipisaniia i zarozhdenie istoricheskoi nauki v kul'ture Dona pervoi poloviny 19 veka [Practices of history-describing and the genesis of historical science in the culture of the Don in the first half of the nineteenth century]. In: Bobkova, M. S., Mereminsky, S. G., eds. *Terminologiya istoricheskoi nauki. Istoriopisanie* [Terminology of historical science. History-writing]. Moscow: IVI RAN, pp. 266–285. (in Rus.)
- Mininkov, N. A., 2012. Biblioteka Evlampiia Katel'nikova [The library of Evlampii Katel'nikov]. *Donskoi vremennik* [The Don's chronicle], 21, Rostov-on-Don, pp. 221–223. (in Rus.)
- Morozova, O. M., 2008. Ul'ianovy. Sem'ia donsikh kazakov za sto let [The Ul'ianovs. A Don Cossacks' family over a period of a hundred years]. *Dialog so vrememem* [Dialogue with time], 23, pp. 298–318. (in Rus.)
- Peretiat'ko, A. Iu., 2019. Pol'sha i poliaki glazami donsogo kazaka: memuarное, publitsisticheskoe i literaturnoe nasledie I.S. Ul'ianova, ofitsera shtaba velikogo kniazia Konstantina Pavlovicha [Poland and the Poles in the eyes of a Don Cossack: memoir, political writings and literary legacy of I.S. Ul'ianov, an officer of the Headquarters of the Grand Duke Constantin Pavlovich]. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii* [Slavic world in the third millennium], 14, 1–2, pp. 42–56. (in Rus.)
- Popov, A. G., 1814. *Istoriia o Donskom voiske* [The history about the Don Host], 1. Kharkiv: Universitetskaia Tipografiia, 189 p. (in Rus.)
- Popov, A. G., 1814. *Istoriia o Donskom voiske* [The history about the Don Host], 2. Kharkiv: Universitetskaia Tipografiia, 291 p. (in Rus.)

- Stan'ko, A. I., 2006. *Istoriia zhurnalistiki Dona i Severnogo Kavkaza (19 v.)* [The history of the journalism of the Don and the North Caucasus (the nineteenth century)]. Rostov-on-Don: NMTS "Lotos", 173 p. (in Rus.)
- Venkov, A. V., 2021. *Kazaki i Pervyi razdel Pol'shi* [The Cossacks and the first partition of Poland]. Rostov-on-Don: URSS, 318 p. (in Rus.)
- Venkov, A. V., 2021. *Uchastie kazakov vo Vtorom i Tret'em razdelakh Pol'shi* [Participation of the Cossacks in the second and the third partitions of Poland]. Rostov-on-Don: Izd-vo IUNTS RAS, 328 p. (in Rus.)
- Volvenko, A. A., 2015. Chebotarev A. Ps. — "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*, 15, 2, pp. 106–114.
- Volvenko, A. A., 2015. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*, 14, 2, pp. 94–107.

Artem Iu. Peretiat'ko

PhD, Senior Lecturer, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. 344006, ul. Bol'shaia Sadovaia, 105/42.
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Maria A. Selezneva

Undergraduate Student, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Moscow, Russia, 125009, ul. Mokhovaia, 9/1. E-mail: Maria.Selezneva@student.msu.ru

The Image of a Romantic Female-Beloved between Two Cultures: The Attempts at Translating of Adam Mickiewicz' Love Lyrics by Cossack Officer Ivan Ul'ianov

The study of the evolution of the narratives created by the Don Cossacks in the first half of the nineteenth century is a difficult research task because apart from records, only individual texts, often taken out of context, have survived from this time. Nonetheless, research on such topics seems quite promising. The texts of Don authors often clearly demonstrate the mechanism of transformation of the works of high culture of the nineteenth century when interpreted by amateurs. Taking into account the inevitably individual character of such a transformation in each single case, within the framework of a microhistorical approach we have examined a particular variant of such a transformation, that is the translations of Adam Mickiewicz's love lyrics by a Cossack officer, Ivan S. Ulyanov (1803–1874). He was a nineteenth-century Don public figure, major-general, and writer. His extensive legacy, most of which has never been published, includes hitherto unknown prose translations of the Polish poet's lyrics, made in the 1820s. Nine of the eleven poems translated by Ulyanov are lyrical works about the inaccessibility of the beloved or separation from her. At the same time, within the framework of traditional Cossack matrimonial practices, the main form of interaction between the sexes was the marriage contracted by the will and in the interests of the parents and involving long separations between husband and wife due to regular service outings. Deviations from the traditional Cossack understanding of the gender role of women in the late eighteenth and early nineteenth centuries are often found in the texts (including autobiographical ones) of other Don Cossacks who were influenced by European culture. In a similar context, Ulyanov's inept translations demonstrate how the text about Polish culture changed its meaning when transferred to the Cossack environment: poems on the theme of the inaccessible beloved familiar to the Polish reader were translated into prose about the possibility of a different gender role of a woman, a complete novelty for the Cossack reader.

Keywords: Don Cossacks, Poland, microhistory, analysis of narratives, traditional culture, culture of Romanticism, image of the beloved

How to cite: Peretiat'ko, A.Yu., Selezneva, M. A., 2023. Obraz romanticheskoi vozliublennoi mezhdvu dvumia kul'turami: popytki perevoda liubovnoi liriki Adama Mitskevicha kazach'im ofitserom Ivanom Ul'ianovym. *Central-European Studies*, 6. pp. 245–272. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.9>.